

История испанской литературы в XVII в.

за поисками материала кь историкамъ менте изъ
внѣшнѣмъ, какъ, напр., для пьесы „La Gran Senovia
(Великая Сеновида) пришлось прибѣгнуть кь Пире,
Беллио Поллиону¹⁾ и Флавію Воппеку²⁾ историкамъ
римскихъ императоровъ (*Scriptores Historiae Augustae*).
III-го и IV-го столѣтій). Многое Калдерона замечено
и изъ Лопе де Вегы. Подобно болшимеку своимъ со,
временникамъ, находившимся съ нимъ въ одинакомъ,
болше положеніи, Калдеронъ свободно пользовался
урадами своихъ предшественниковъ. Такъ, напр., сло-
герь его „Cabellos de Absalon“ замечено, какъ
мы уже слышали, главнымъ образомъ изъ Пирсе
де Моланы, именно изъ по Венданка де Тамат;
слогерь „médico de su Honra“ (Врачъ своей чести) взятъ
изъ пьесы Лопе де Вегы, носившей то же названіе,
но мало извѣстной; слогерь „Niña de Gomez Arias“
(Возлюбленная Томеса Ариаса) отчасти замечено,
какъ я уже сообщалъ, изъ пьесы того же названія Лу-
иса Велеса де Тевары. Замеченія³⁾ Боррелана и
во многихъ другихъ пьесахъ. Маскомско подобное
широкое пользованіе чужими урадами допускалось
въ данномъ случаѣ литературной собственности того време-
ни, трудно опредѣлить. Оно, во всякомъ случаѣ,
не было воровствомъ, ибо совершалось открыто, и
какъ придворная, такъ и народная публика знала

1) у Trebellius „De Triginta Tyrannis“ (С. XXIX и пр.).

2) у Vopiscus „Aurelianus“ (С. XXXIII, XXXIV и пр.).

объ зломъ. 1)

Но Кальдеронъ чинилъ извлекаеъ драматическiй эффектъ изъ какого бы то ни было матерiала. Все замечвобатное или изъ исторiи подвлялось на сценѣ преобразованное и озаренное зажимъ его блескомъ, какъ и то, что создано въ собственномъ его воображенiи. Если избранной или сюжетъ подходилъ подъ подъ изломленной формы его дѣйствiя, то онъ болышею частью представлялъ факты въ зломъ видѣ, въ какомъ онъ находилъ или. Притворомъ зому сюжетъ служилъ пьеса, «el sitio de Breda» (Осада Бреды). Въ основѣ этой драмы лежалъ событiе, происшедшее въ 1624 и 1625 гг. и изображенное Кальдерономъ почти съ точностью исторiи. Драма эта всецѣло посвящена прославленiю главнокомандующаго Спинолоы, которому позже обязаны многими изъ любовныхъ подробностей, вѣрвчающихся въ пьесѣ. Кроме того въ этой пьесѣ Кальдеронъ ознакомился съ болышими уваженiемъ къ протестантамъ — вещь весьма рѣдкая въ испанской литературе и зѣмь болыше дѣлающая честь Кальдерону. Также факты произведены въ зломъ видѣ, въ какомъ позже или находилъ, въ драмѣ, «el postre duelo de España» (Последнiй поединокъ въ Испанiи), основанной на послѣднемъ публичномъ поединкѣ, къ, происходившемъ съ высочайшаго разрѣшенiя въ

1) Schasck, Nachträge, 1854, pp. 82-87.

1609

Валльдолиды, в 1522 г., в присуждении Карла V. Судя по сопровождавшим его блестящим церемониям и по своему рыцарскому духу превосходно подходило к итальянцу Кальдероне. Пьеса эта заканчивается чуждым аканхронизмом — рождением императора изображая к папе Павлу III с просьбой запретить на Тридентском соборе этого рода дуэли. Изображенный в ней поединки адмирала и вельможа, вельможа и вельможи, которые Сандовал описывает.¹⁾

Но если избранный Кальдероном сюжет по своему содержанию не вполне соответствовал его драматической теории, тогда он приспособлял его к своим итальянским законам свободно и безцеремонно, как бы это были содвигнутый его вымысел. Пьесы: "Las Amazonas de la Hermosura" (Оружие красоты) и "El mago Encanto Amor" (Сильнейшее из волшебств — любовь) представляють тому отличные доказательства, а также драма "Amor de odio y Amor" (Любовь и ненависть),²⁾ где он настолько искажает главные факты жизни своей причудливой современницы Шведской королевы Христины, что трудно узнать ее. Что же самое можно сказать о характере Педро Аррагонского в драме "Tres justicias en una" (Три возмездия в одном) и одной, существующей лицезель из португальской пьесы, которую Кальдерон в высшей степени идеализировал

сцена и любовь

¹⁾ в Hist. de Carlos V, Anvers, 1681, Lib. XI, 58, 9.

во своихъ пьесахъ „Justos y disgustos“ (Радость и горе)
и „El Principe Constante“ (Непоколебимый принцъ).
Примыривши искаженія английской исторіи можно съ слу-
шавъ драма „Cisma de Inglaterra“ (Ересь въ Англіи),
героями которой являются Анна Болейнъ и кардиналъ
Вулси. Эрозъ послѣдній по низверженіи своемъ пред-
ставленъ вымалывающимъ у Католики Аррагонской
кусочекъ пасущаго хлѣба, и одновременно съ этимъ
выведенъ Генрихъ VIII, кающийся въ произведенномъ
имъ религиозномъ расколѣ и дающій обѣщаніе
выдать свою дочь Марію замужъ за испанскаго короля
Филиппа II. Нигдѣ въ своей весьма модной бро-
шюрѣ нѣтъско преувеличивается художественная
доэротическая пьеса Калдерона. Нигдѣ такъ ярко не
высказывается глубокое культурное различіе между Шек-
спиромъ и Калдерономъ, какъ въ сопоставленіи Эрозъ
пьесы съ великою историческою драмою английскаго
драматурга „Генрихъ VIII“.

Въ отношеніи нравственности Калдеронъ такъ
же мало сурьсялся, какъ и въ отношеніи фактовъ.
Въ его пьесахъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются поединки
и убійства, но саживъ ничтожными приливами, какъ
будто подобныя поступки не заключали въ себѣ ни-
чего безнравственнаго. Здѣсь у него признается впол-
нѣ право оуза или брава умерьнуть догъ или ссору,

1) См. Meber die Kirchentrennung von England, von F. H. V. Schmidt,
Berlin, 1819.

пробитившись въ укромнѣйшее своего любовника
 подъ домашнимъ кровомъ. Изъ многихъ пьесъ Калде,
 пока мы могли прекрасно познакомиться и съ но-
эдиками и съ существовавшими тогда показіями
 о тенежной пьесе. Для примѣра досрочно указать
 мы дѣль изъ пьесъ: „Casa con Dos Puercas“ (Домъ съ двумя
 выходами) и „El Escondido y la Tarada“ (Скрытый и
 замаскированный). Далѣе, королю Донъ Педро справивъ,
 съ въ высокую заслугу въ драмѣ „Médico de su Honra“
 (Врачъ своей чести) оправданіе Донъ Гутьерреса въ мезо,
 посредакъ убійства своей жены. Сама Леонора, го-
 ворящаяся задръ окровавленное ложе первой сцены
 убійства, желаетъ, какъ мы слышали, чтобы къ ней была
 применена за те мѣра правосудія, какъ и въ себѣ,
 мой и прекрасной жертвы, недвижимо лежащей у
 ея ногъ.

Двухвѣдельно, гизакъ Калдерона, невозможно все
 замкнуть, что главная цѣль его сознанъ въ томъ, то,
 бы возбуждѣть живую мхорадогма и интересъ въ пудли,
 къ какъ выдоромъ стожеза, какъ и посроеніемъ ми,
зрми, и что въ виду этой цѣли онъ посроанно кла-
 деть въ основу своихъ пьесъ преувеличенное похвѣе
 о чубствѣ чести. Откуда же произошли эти суранныя
 похвѣя о семейной чести и семейныхъ правахъ, вѣрнѣ,
 гаемая нами въ сгаричной испанской драмѣ, начинаая

2012

въ псесть Торреса Нахарро и развизья въ высшей сфѣ,
печи у Калбдерона?

Трудно, конечно, оубтогаз на зрозъ вопросъ, какъ и
на весь вопросы, касающіеся происхожденія и развизья
національнаго характера; но — цурамяя неосноващен,
ное мнѣніе нѣкоторыхъ тисаулей, что сфаринскія
испанскія поняѣія о семейной власти произошли
оу арабовъ — мы находимъ, что сфаринскіе гоускіе за-
коны, когорые восходазъ гораздо дальѣе наврскаго
взроменія и вполнѣ выражали національный ха-
рактеръ до гоу поры, пока они не были замѣнены
въ XIV столѣтіи Законникомъ (Partidas) Алфонса Лу,
драго, признавали зусе энсрокую систему семейныхъ
оуношеній, когорая вошла въ сфаринскую драму. Въ
этихъ законахъ, какъ и у Калбдерона, все, что касался
зесу дома, предосавлено домашней (семейной) вла-
сти. Оуецъ имѣлъ право предазъ смерти жене или
догу, обездѣщенную подъ его покровомъ; а по смерти
оуца, эта же сфратная власть предосавлялазъ браду
оуносительно сесуры или даже любовнику, если ви,
новная была за него покомблена, была его невѣстою.

Не подлешизъ однако сомнѣнію, что эти законы, хо-
чъ и оффициально возеуатовленные въ своемъ позднюю
эпоху, какъ царевованіе Фердинанда Свядого, похерали
въ Калбдероновъ время всю свою силу, и удѣйство,

или правдивое, было бы ^{тогда} в Испании закима не
 преступлением, как и во всякомъ другомъ христ-
 анскомъ государстве. Но, съ другой стороны, нельзя сомнѣ-
 ваться и въ то, что эти законы принимались на прак-
 тикѣ въ течение несравненно большаго промежутка
 времени, нежели какое прошло отъ нихъ отъ начала
 до Калдерона. Поэтому преданіе объ ихъ господствѣ
 еще жило въ народной памяти, еще дѣйствовало на
 народный характеръ, и поэзіи дозволилось было вос-
 крешать ихъ срамныя принципы.

Подобныя замѣчанія можно сдѣлать и о поединкахъ,
 но поединковъ. Это поединки были въ Испаніи
 посягательнымъ средствомъ расправы въ XIV и XV столѣ-
 тьяхъ, этому существовать множицею доказательство.
 Но мы знаемъ, что послѣдній поединокъ состоялся
 съ разрѣшенія короля, въ юности Карла V, и поэ-
 ту нѣтъ никакого повода предполагать, что газетное
 поединки были болѣе обыкновенны между рыцар-
 ского молодого времени Лопе де Веги и Калдерона
 въ Мадридѣ, нежели въ ту же эпоху въ Пармѣ или
 въ Лондонѣ. Не смотря на это, преданіе о временахъ
 господства поединковъ служило вполне достаточнымъ
 оправданіемъ для драматурга, главной цѣлью ко-
 рого было возбудить въ публикѣ живой и сильный
 интересъ къ дѣйствующимъ лицамъ. Такъ въ одной

изъ пьесъ Мигеля Барриоса, драматурга конца XVII
вѣка, происходитъ восемь поединковъ, а въ другой —
двадцать, коллисею, превосходящее всякую мѣру
и объявленное лишь сълланталь нами предположе,
нїемъ.

Во время аберрийской династїи въ Мекани до
какой степени казалось невероятнымъ, чтобы драги
убили себѣ изъ-за злого золотка, что заставъ ее въ лю,
добычникомъ въ своемъ домѣ, или, чтобы одинъ каба,
меръ безумнаго на улицѣ въ биву съ другимъ един,
свѣтло за то, чтобы помѣшать ему преслѣдовать
даму прозивъ ея воли, — что изображенїя подобныхъ
дѣйствїй на сценѣ не было опаснымъ для нравствен.
ности общества. Впрочемъ Калдерона не только раз,
смысломъ, для возбуденїя интереса, для произведе,
нїя эффекта, на сцѣнныя перорїи, позрѣсанциди
фрагмента, полный семейнаго дееспознїа, домашнїхъ
раздоровъ и поединковъ, но часто вводилъ намеки на
современныя ему личности и на дѣянія содѣял,
которыя считалъ приятными для своихъ слушателей.

Такъ, напр., въ пьесѣ *La Vanda y la Flor* (Марфа и
Цвѣтокъ) герой, золотко-то вернувшїйся изъ Кадрида,
дѣлаеть своему повелителю, герцогу Орлорензитскому,
блескъ еще описанїе церемонїи принесенїя присяги
въ 1632 г. принцемъ Балсугаромъ при принатїи

мль фигура принца Астурийскаго. Мнѣзо это, какъ по
 живоему разказа, такъ и по заключавшимся въ немъ
 восхвалениямъ короля и королевской фамилии, должи,
 но было производима не малый эффектъ на сценѣ. опи-
 сание прогулки Филиппа IV верхомъ по улицамъ Ма-
 дрида напоминаетъ текстуровское описаніе подоб-
 ной прогулки Боллинджера по улицамъ Лондона.
 Далѣе въ комедіи „El Escapido y la Tarada“ (Спрятан-
 ный и замаскированный) мы встречаемъ въ вые-
 шей сценѣ интересное описаніе осады Валенсии на
 рѣкѣ Тос, въ 1635 г. и въ „No hay cosa como callar“
 (Нѣтъ ничего лучше молчанія) попадаются галты
 намеки на побѣду, одержанную надъ принцемъ Конде
 при Фонтарадин, въ 1639 г. Въ упоминаніи объ этой
 побѣдѣ не забываю у Калдерона ни малѣйшаго
 камплетя задѣвъ самолюбіе французовъ: до такой
 сценѣ онъ былъ всегда остороженъ и деликатенъ
 въ своихъ выраженіяхъ. Въ пьесѣ „Guardate des agua
 mansa“ (Птица воды глубоки) помѣщено блестящее
 описаніе взрыва, произошедшаго въ Мадридѣ, въ 1649 г.,
 второй жемъ Филиппа IV. Въ пьесѣ „La primavera de la
 rosa“ (Прунгеръ розе), написанной по слугаго Туре,
 кейскаго мира и драка истрандо съ Молодиковъ XIV,
 въ 1660 г., — содержится все, что только могло быть
 сказано по этому поводу. Здѣсь мы снова встречаемъ

елся съ придворного угодливостю, козрой били те
гудъ Калдерона. —

Можно было бы привезти еще несколько прикв,
ровъ, но досадочно для ознакомленія въ Эфиопи при,
ѣмани поэта. Калдерона однаково принималъ
въ разсудъ какъ настроеніе придворныхъ сферъ, такъ
и направленіе современнаго національнаго чувства.
Въ своей пьесе „El segundo Escipión“ (Второй Сципионъ)
отъ даме нисходитъ до грубой лести къ неспасенно,
му и полудумному Карлу II, приравнивая его къ
великому паприозу, козорого Ансзона называется „сла,
вото Гима“. Это лезливое сравненіе по отношенію
къ Карлу II такъ долъе рѣзаетъ ухо, что было едѣ,
лако позоромъ въ преклонныхъ годахъ, такъ какъ
при восшествіи Карла II на престолъ ему было 75
лѣтъ. Но, во всякомъ случаѣ, оно не такъ возмущи,
тельно, какъ безеридное, въ пѣкозорова родѣ даме
кощунственное копѣлиневы, разогаясь Фри,
литу IV и королева, его сурреть, въ суррамонта
auto „El Buen Retiro“, разгранкомъ въ первый день
Согрис Ависти по окончаніи роскошнаго двора (El
Buen Retiro), имени козорого и озаглавлено са,
ное auto. Но досадочно Эфиопъ наиболѣе яркити
приквровъ ловкой и келовкой погои за популяр,
ностию. X

1017

Слово и стиль Кальдерона обладают большими достоинствами, хотя гоза и другой иногда озадачиваются недосказками его втыка. Блеск и эффект составляли главную его цель, и онъ скоро достигъ ея. Но онъ иногда впадае — особенно въ своихъ раннихъ пьесахъ — въ напыщенную изысканность своего времени, въ своего рода эвфуизмъ, такъ называемый гонгоризмъ, названный по имени Гонгора, козорый Гонгора и его посылъ, доважел называютея „изысканнымъ стилемъ“ (Estilo culto), стремящимся къ кельному благозвучию. Къ этому разряду драмъ принадлежатъ „Lances de amor y fortuna“ (Превращеніи любви и счастья) и „Duelos de amor y real, tad“ (Борьба любви и вѣрности). Но въ „No hay burlas con el amor“ (Нельзя шузить съ любовью) и въ „Manana de abril y mayo“ (Апрѣльскія и майскія узра) онъ несколько осмысливаетъ гоза эе самой стиль. Въ прекрасныхъ пьесахъ „El secreto á voces“ (Открытая тайна) и „La leyona y la criada“ (Госпожа и служанка) мы не встрѣчаемъ слѣдовъ закого стиль. Въ этомъ случае Кальдеронъ слѣдовалъ примеру Лопе де Веге и многихъ изысканныхъ писателей, которые до примѣнялись къ м. герардурной модѣ своего времени, до поричали и укло. ндлись оу нед. Нѣкоторые изъ лучшихъ пьесъ Кальдерона мѣстами обезобразены взрѣженіемъ этого estilo culto, такъ напр. „La vida es Sueño“ (Жизнь — сонъ).

„El Médico de su Honra“ (Врач своей чести), „El Mayor Monstruo los Zelos“ (Кто из чудовищ утратит ревности) и „El Principe constante“ (Непоколебимый принц). Но ведь эти пьесы были произведениями его юности.

Но при всем том стихи Калдерона всюдю охарактеризовать племнирельного мелодиею; всюдю онъ пользуется богатимъ разнообразимъ стихозворнаго размѣра, образцы котораго находимъ въ испанской и итальянской поэзии. У него встречаются остинсифонные франсы, „terza rima“, сонеты, это — итальянскіе размѣры стиховъ, и silvas, listas, разнородныя формы redondillas и романсы asonantes и consonantes, это — испанскіе.

Калдеронъ мастерски владеетъ языкомъ и, благодаря этому, до высокаго тона, свойственнаго испанской національной драмѣ, до нисходящаго въ погоню за расположеніемъ толпы до пошлостей шурокъ, недосройтивъ его гений. Онъ никогда не писалъ большихъ стиховъ, къ которымъ по временамъ принадлежалъ Лопе де Вега. Пятьсубоховская часть его Comedias, равно какъ и всея другія драматургіи, часто издавались отдѣльно въ формѣ народнаго романа. Образчикомъ подобнаго романа можетъ служить проза гекзарха Урда въ „El Mayor Monstruo los Zelos“ (Кто из чудовищ утратит ревности), начинающаяся словами „Si todas quantas desdichas“ Part. II.

Да, всего, сколько несласия?

2019

Кроме упомянутых стихотворных форм, Кальдерон никогда включал в свои пьесы glosas (поэтические трюшки?), прекрасный образец которых можно встретить в пьесе „Amos despues de morir“ (Любовь после смерти), начинающийся словами „No es menester que digais“ Торн. II.

Не следует
это говорить

Впрочем, Кальдерон не предпринимал коренных изменений в форме драмы. Правда, два или три раза он приспособил драму так, чтобы она ведь, или откаси пьяла, а откаси произносилась; но даже и отныне по своей постройке не больше подходила на оперу, чем огульная пьеса, и представляли не больше, как попытку удовлетворить роскоши двора и подражать настоящей опере, незадолго перед тем замечуванной Францисо у Уалии во время Людовика XIV, с двором козарого испанский двор находил. ся в звонных сношениях. А ныне прежде упоминала о двух серьезных попытках Кальдерона создать оперу. Это ^{была} „La Pirruca de la Rosa“ (Пурпурь розы) и „Las Fortunas de Andromeda y Perseo“ (Счастье Андромеды и Персея). Пьеса „Laurel de Apolo“ (Лаврь Аполлона) носилъ название „Fiesta de Zarzuela“ (Празднество Сарсуэлы).¹⁾ О ней сказано: „Se canta y se representa“ (Торн. I.), какъ это она, по всей вероятности, состояла частью изъ танца, частью изъ рецитатива. Но этимъ все и кончилось. Кальдеронъ

1) Zarzuela, это — имя (зв) одного изъ увеселительныхъ королевскихъ дворцовъ.

1020

не только не создавалъ новыхъ формъ драматическаго искусства, но и не внесъ значительныхъ измененийъ въ формы, создавденныя и установленныя Лопе де Вега. Но онъ обнаружилъ больше землическаго характера въ построении тѣхъ фактъ и члѣнъ съ большими, не, искусствомъ, чѣмъ Лопе де Вега, производитъ сценическіе эффекты. Онъ сообщилъ драмѣ новую кolorитъ и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, новую физіономію. Драмѣ его гораздо больше въ своемъ тонѣ и сурреалистичности, но меньше близки къ правдѣ и дѣйствительности, чѣмъ пьесы его великаго предшественника. Въ своихъ лучшихъ, удачныхъ частяхъ, которыхъ къ тому же рѣдко встрѣчается проза въ правдивости, драма его какъ будто волшебствомъ переноситъ зрителя въ другой, болѣе роскошный міръ, гдѣ все ослѣщено невиданными и сверкающеувеличенными свѣтами, гдѣ подвиги и страсти дѣйствующихъ лицъ наскоро зажегъ высоко, что намъ необходимо возбудить нѣсколько наши собственные чувства, тогда принимаемъ живое участие въ томъ, что видимъ, или сочувствуемъ тому, что происходитъ. Но въ дѣлѣ же сценарія и сказывается сила Камбдерона. Кипящіе жизни, оживляющіе комическія части его драмы, и эмоциональнѣе нѣжность серьезныхъ и трагическихъ частей я, приводятъ насъ незаметно въ то возбужденное состояніе духа, въ которомъ намѣ

воображение способно поддаться обаянию его увлечен,
поцарапанного фаланга.

Эрозь возвышенней зонтъ и посядочное капризъ,
тение, необходимое для поддержания его, больше всего
оуличаютъ Калсдерона оуъ его предмещественниковъ
и составляютъ характеризмическую герру его досудимовъ
и недосказковъ. Благодаря эуимъ свойсва въ отъ каменъ,
ея менше досудимовъ, менше издичивовъ и менше ерсефъ,
беннововъ, гилье Лоне де Вега. Свойсва эуи придають
его слогу какую-то ламерность, которая при всемъ уди,
виделснотъ богачествъ и плавности срихосломенія мног,
да узоимлаевъ, а подчасъ даже оузалкиваевъ. Они за-
сраиваютъ его повзорятъ до закои сренени, что мног,
гид изъ его дийсвующихъ мивъ и мивовъ определенъ,
мие разъ навсегда характеры, и его герои со своими
слугами, героини со своими каперсницями, сфарики
и тузы каонувъ замаскированными фигурами дровъ,
идго феатра, представляющими съ зъими мие самыми
азуррибузали и въ зъихъ мие самыхъ костюмахъ разлмъ,
мивъ иузриги его разнообразныхъ миесть. Словомъ, отъ,
со своимъ возвышенней зонотъ, смозрихъ на испанъ,
скую драку какъ на форму, въ козорои его воображе-
ние можевъ предаваевъ всемъ капризамъ, создававъ
безъ всякаго оурачненія и въ козорои греки и римъ,
лвие, азонеския богиссва и сверхъ ерсефубенновъ виднннъ.

2022

христианскія преданія, являюща передъ нами въ образъ испанцевъ, надъленна испанскими обаян-
ями и характерами, и принимающъ участие въ рядъ за-
ключенныхъ и заманчивыхъ приключеній, приводя-
щихъ насъ къ казасуррости.

Держась въ драмъ законъ теоріи, Калдеронъ иногда
и достигаетъ своей цѣли, иногда же собою ликуеть
ее. Но при удачѣ драмы доскопичства ее бывающъ иногда
обыкновенны, чистыя поэза и въ исключительный
характеръ. Въ этихъ случаяхъ Калдеронъ обыкновенно
выводитъ передъ нами одни только образцы идеальной
красоты, идеального совершенства и блеска, изобража-
ющъ связь, какими бы они желалъ его видѣть, т. е. со-
исканными изъ вѣстныхъ элементовъ національнаго
генія. Здесь вы найдете пылкій и серьезный энтузіазмъ
сфарианскаго кастильскаго героизма, рыцарскія похвалы,
денія-приключенія и похвалы о геси въ новѣйшемъ
придворномъ духѣ, грандіозныя проявленія личной
преданности королю, сдержанную, но страстную лю-
бовь, козюря, при созданіи сосюльни обществу, гдѣ
она должна быть загадочно скрывается, сзавивае
въ пькозюрь родъ религіоза сердца — все это нахо-
дилъ себѣ въ драмахъ Калдерона самое подходящее
выраженіе. При томъ и болшинство Калдероновыхъ
драматическихъ или шюзовъ превосходно огерены, какъ

напр. въ пьесахъ: „La Vida es Sueño“ (Жизнь-сонъ), „El Alcalde de sí mismo“ (Судья надъ самимъ собою), „Casa con Dos Puertas“ (Домъ съ двумя выходами), „La Gran Fenicia“ (Великая Финиція), „La Dama Duende“ (Дамы-Волшебница) etc.

Разъ удавалось ему увлечь насъ въ свой очарованный міръ, блестящія гудеса котораго были созданіемъ его священнаго гения, и окружить насъ граціозными и прелестыми образами, въ родѣ Клары и Доны Ангелы, или героическими, въ родѣ Тузана, Маріамны и Доны Фредриканды, отъ досужатъ высшихъ предѣловъ и цѣли своего зорчества. Тогда онъ развертываетъ передъ нами величественную панораму идеальной драмы, въ основу которой положены наиболѣе чистые и возвышенныя элементы испанскаго національнаго характера и которая, при всѣхъ своихъ недочетахъ, полна истинной поэзіи и должна занять подобающее мѣсто въ ряду необыкновенныхъ произведеній новой европейской поэзіи.

Лирическая поэзія Кальдерона.

Кромѣ песенъ Кальдеронъ написалъ для академій, которыхъ состоялъ членомъ, и для поэтическихъ состязаній, еромъ обыкновенныхъ тогда въ Испаніи, законъ огромное число одъ, романсовъ, балладъ и другихъ стихотвореній, не мало распространившихъ его славу

среди современников. Но только небольшая часть
 их издана. Между изданными встречаются и редкая
 поэма "Lágrimas, que vieste un Año arrepentida à la
Hora de la Muerte" (Слезы, проливаемые кающейся
 душою в часъ смерти), написанная размышлитель-
 манса. Заявление Вери Пассуса, что это произведение
 не подвизало в печати, ошибочно. Оно найдено
 Пикторомъ въ оригинальной книгѣ, въ которой оно
 въроудно первоначально подвизало, книга подъ за-
 главіемъ, Avisos para la Muerte, escritos por algunos
Ingenios de España à la Devocion de Bernardo de Obie-
do, Secretario de su Magestad etc., publicados por D.
Luis Arellano, Valencia, 1634, перепечатанной не-
 сколько разъ и въ другихъ городахъ. Въ нее вошли
 произведения урядячи поэтовъ, между которыми встре-
 чаются личность, сюда изъясняя, какъ Лопе де Вега,
 Луис Велеск де Тевара и Хуанъ Пересъ де Моньялъ,
 ванъ. Притяговы къ поэмы, вошедшей сюда съ
 именемъ Калдерона, следующие стихи:
O dulce Jesus mio, No entres, Seños con vuestro Señor,
no in juicio (О мой сладчайшій Иисусе, Не призывай,
 Господи, на судъ звоего слуги.). Два следующие фран-
 са датовъ похваля о всей поэмы:
 O quanto el nacer, O quanto, O, насколько рождение (о, насколько)
 A morir es parecido! оно похоже со смертию:

Pues, si nacimos llorando, мы родились плача,
Llorando tambien morimos. плача законче и умираемъ.
 O dulce Jesus mio, etc. О мой сладчайшій Иисусе! и проч.
Un gemido la primera Спотъ нашъ первый
Salva fue que al mundo hizimos, пришествъ миру
y el ultimo vale que и послѣднее прощаніе, которое
Le hacemos es un gemido. мы посылаемъ ему, жонне спотъ.
 O dulce Jesus mio, etc. О мой сладчайшій Иисусе! и проч.

Всѣ произведенія, содержащіяся въ небольшомъ зо-
 микѣ, гдѣ помѣщена Калбдеронова поэма, могутъ
 служить иллюстраціей испанскихъ нравовъ въ то время,
 когда люди высокопоставленные и придворные нало-
 жили душевную усладу въ такомъ рода упражненіи,
 ахъ и въодновлялись подобными стихотвореніями.

Пятьдесятъ мелкихъ стихотвореній Калбдерона
 (восемь изъ нихъ были извѣсны раньше въ отдѣльныхъ
 изданияхъ) были собраны и изданы въ Biblioteca de
 Autores Varioses Tom XIV, 1850, и Tom XXIV, 1853. Но
 они составляютъ далеко не все, написанное Калбдеро,
 поемъ, — впрочемъ лишь небольшую часть того, что было
 издано безъ имени или согласно словъ его брата,
 ни распространено въ рукописныхъ спискахъ. Благо-
 даря надписи на хорахъ Толедскаго собора, Тикноръ
 отыскалъ въ Ватиканской королевской библіотекѣ экзем-
 пларъ оригинальнаго изданія одного изъ этихъ стихо-

звореній, подь заглавіемъ Palle et Sil. Къ нему при,
ложено Arrogacion, помоченное 31 декабря 1661г. По
словамъ Августина Лара и Вера Тассиса, друзей Кал-
дерона (первый опредѣлилъ день рожденія Калдерона,
а второй — издавецъ произведеній Калдерона), число его
мелкихъ стихозвореній было весьма многочисленно.

Издания произведеній Калдерона.

Въ течение своей долгой жизни, продолжавшейся
болѣе восьмидесяти лѣтъ и почти всецѣло посвя,
щенной литературнымъ занятіямъ, Калдеронъ на,
писалъ множество сочиненій. Не смотря на это, за
исключеніемъ пантемика скоттавиануса въ 1642г.
герцогу Медина де Сиско, и одного тома аудо, из,
даннаго въ 1676г., отъ едва ли самъ издалъ что-ка,
буде изъ написаннаго имъ. Описание въѣзда новой
королевы въ Мадридъ, въ 1649г., сдѣланное Калдеро-
номъ, было издано подъ именемъ Лоренцо Рами-
реса де Прадо, учредившаго съ помощію Калдерона
даннаго по этому случаю праздника. Правда, Графъ
Калдерона въ продолженіе мѣсуду 1640 и 1670 годами
напечаталъ нѣкозорія изъ болшихъ драмъ его, но
полагаюъ, что все это было сдѣлано безъ малѣйша,
го участія самого Калдерона. „Вѣстимъ извѣстно“, го,
воришь Лара, „что Донъ Педро никогда не посылалъ
ни одной изъ своихъ comedias въ печать и что нѣтъ

изъ нихъ, козорья были напечатаны, увидѣли свѣтъ похищено его меланій? Если же относительно своихъ ауто отъ и оцѣнили отъ пришедшаго имъ правила, то, по слухамъ, отъ съѣла въ это неохотно и во имя изъ опасенія, чтобы, печатая ихъ тайно, издавали не искажили ихъ священнаго характера. Все собраніе сохранивъ изъ герцезель фонъ, и Калдеронъ въ своемъ предисловіи (въ второмъ изданіи своихъ Autos, въ, медлену послѣ его смерти въ 1690 г.), повидимому, признавъ ихъ подлинность, хотя изъ осторожности не го, борясь этого прямо, не желая, чтобы его заподозрили въ разрышеніи ихъ изданія.

При всемъ этомъ, въ теченіе сорока восьми лѣтъ его жизни, типографіи были забавлены драматическими произведеніями, носившими на заглавныхъ листахъ его имя. Съ 1633 года они стали появляться въ популяр. ныхъ сборникахъ; но нѣкоторые изъ нихъ не принад. лезали ему, а нѣкоторые настолько были искажены, въ виду недовѣрительнаго способа записыванія ихъ во время представлений, что, по его словамъ, отъ самъ гаско едва могъ распознать ихъ. Издавалъ и другъ поэта, Квантъ Вера Тассисъ и Вильгельмъ, приводить нѣсколько списковъ пьесъ, число козорья доходитъ до полутора сота. Хотя спекуляція книгопродавцевъ учудила ихъ въ связь съ именемъ Калдерона, но

они не имеют ни малейшаго права на эту вещь,
а Вера Тассисъ добавляетъ къ этому, что много драмы,
козоровъ Калдеронъ и въ глаза не видать, было пере-
слано, какъ сказано, подъ его флагомъ изъ Севильи въ
испанскія американскія владѣнія.

Какія именно изъ тѣхъ, вошедшихъ въ ранній
изданіе, двѣ извѣстны принадлежали Калдерону, это
былъ трудный вопросъ. И изъ всего этого въ концѣ
концовъ вышла такая сжатая выписка, что гер-
цогъ — el Almirante Duque — Верагуаскій, почтенный
предсавитель рода Колумба и генералъ-капитанъ
Валенсиа, въ 1680 г. обратился письменно къ Калде-
рону съ просьбою сообщить ему перечень своихъ драмъ,
по козору отъ, какъ другъ автора и его почитатель,
чтобы составить для себя полную тѣхъ коллекцію.
Въ отвѣтъ позва, наполненномъ горькими жалоба-
ми на книгопродавцевъ, помеченованн сво одинад-
цать большинъ драмъ и семидесять духовныхъ ауто-
козоровъ Калдеронъ признавалъ своими.

Эта переписка, двѣлающая только же герцу Калде-
рону, какъ и главе рода Колумба, съ гордостью подни-
савшагося el Almirante Duque, находится въ „Obelisco”
въ Huerta „Teatro Español” (Madrid, 1885, Parte II, Tom III)
и въ правительствѣ Вера Тассиса и Вилларозля къ
Comedias de Calderon (Tom. I, 1685 и Tom. V, 1694). Горскія

1) Колумбъ выразилъ желаніе, чтобъ его поэмки всегда
подписывались званіемъ герцога.

111 драмъ,
70 ауто

жалоба Калдерона на книгопродавцев вполнть осно-
 вательны; въ 1676 г. въ предисловіи къ своимъ ауто онъ
 говоритъ, что вслѣдствіе ихъ пометки съ гонима,
 им и другія благовожденія президенцій, вмѣсто
 слѣдующихъ имъ почти двадцати тысячъ двѣхъ ду-
 каровъ ежегоднаго дохода отъ представленія Autos
 Калдерона на сценѣ, получили лишь весьма не-
 значительную часть этой суммы.

Перечень аутов и до сихъ поръ составляетъ основу
 при обсужденіи подлинности драматическихъ произ-
 веденій Калдерона. Правда, не весь текстъ, поимено-
 ванныя въ немъ, охвачены. Деятели изъ нихъ кѣтъ
 въ изданіяхъ Веры Пласенса и Вильярозля, 1682, Антон.
 зеса, 1760 года и Гарзенбуша 1850 года; но зато нѣ-
 сколько, не включенныхъ въ каталогъ Калдерона,
 вошло въ эти изданія на основаніи, повидимому,
 уважительныхъ причинъ, такъ что теперь мы имѣемъ
 семидесять три духовныхъ ауто, съ коимъ вмѣсто проло-
 га. Конечно не весь коас принадлежитъ Калдерону,¹⁾
 но теперь невозможно съ точностью опредѣлить, ко-
 горья именно его. Далѣе мы имѣемъ также сорок
комедій или со включеніемъ драмъ — сорок двадцать
двѣ, всего около двухсотъ шесть, на которыхъ въ на-
 стоящее время основывается слава Калдерона, какъ
 драматурга.

1) Но son todas estas сказано по поводу ихъ въ прологѣ къ
 изданію 1772.

Вера Тассисъ и Вильхельмъ въ своей Биографіи Кальдерона говорятъ, что онъ написалъ собою Baynetas или небольшіихъ фарсовъ, около сотни autos sacramenta, les, divorçeos и больше еще двадцати comedias. Такими образомъ вышло больше пезырлехофъ пьесъ. Но самъ онъ пригрозилъ къ изданію лишь комедій, упомянутая въ его каталогѣ и вошедшія въ его изданіе (1683-1694), и еще тринадцатъ, долгие не существовавшія со срабидъ добавочный фомъ, которыхъ не было никогда напечатаны.¹⁾

Приходится здѣсь указать еще на книгу: Die Schauspiele Calderon's dargestellt und erlăutert von Fried. Willh. Val. Schmidt aus gedruckten und ungedruckten Papieren des Verfassers zusammengesetzt, ergănzt und herausgegeben von Leopold Schmidt. Elberfeld, 1857. Издатель этой книги — самъ Валентина Шмидтъ, участковавшій видно вкусом и ученостью своего оуза, такъ какъ изданное имъ сочиненіе является чрезвычайно важнымъ пособіемъ для людей, желающихъ изучить критически произведенія Кальдерона. Впрочемъ это замѣчательное сочиненіе ограничивается разборомъ еще восьми комедій, вошедшихъ въ изданіе Вера Тассиса и Анонуса; дальше идетъ поверхностный обзоръ еще шести пьесъ, ошибочно приписываемыхъ Кальдерону и заглавіе которыхъ Вера Тассисъ при.

¹⁾ См. Биографическія замѣтки о Кальдеронѣ Валентина Шмидтъ въ Wiener Jahrbücher der Literatur. Bände XVII, XVIII и XIX, 1822.

Мэфорія испанской шиферазурн въ XVII ср.

водилъ въ своемъ Vendadera quinta Parte, 1694, — и въ заключеніе здѣсь помѣщенъ замѣтки о нѣско-рыхъ изъ Калдероновыхъ ауто и о другихъ подобныхъ произведеніяхъ. Книга фактически издана и снабже-на основательными примѣчаніями и добавленіями издавель, не упускающаго въ добросовѣстности своему оузу.

Гвѣра Тассиль-и-Вильбарозль, Баена и Августинъ Лара спизали неизданными сочиненіями Калдерона слѣдующія:

1) Discurso de los Cuatro Novisimos — суживорное разсужденіе о закѣ-называемыхъ на богословскомъ Языкъ четверехъ послѣднихъ геловѣческихъ предѣлахъ, т. е. Смерти, Судь, Небѣ и Адѣ. Лара свидѣтельствуетъ, что Калдеронъ писалъ ему урриса востисисопнакъ франсовъ этой поэма и предпологалъ написать еще сго. Произ-веденіе это уфралено.

2) Tratado defendiendo la Noblera de la Pintura. Эта защита живописи, содержащая въ себѣ восемь надцать страницъ, была представлена Калдерономъ Просисадоу де Самета съ цѣлюю освободить худож-никовъ отъ угрожавшей имъ вониской повинности. Этуъ подобивный уракъ написанъ въ „Cajon de Pastre Literata, etc., por Don Francisco Mariano Nifo, или Nipho“ (Tom. IV, 1781) — безпорядочномъ сборникѣ

частью рѣдкихъ и интереснѣхъ, частью совершенно мнѣ, менѣхъ всякаго достоинства извлеченій изъ сфаринныхъ испанскихъ авторовъ, переписанныхъ замѣтками и измышлениями самого синора Нифо, бывшаго переводчикомъ и продающимъ писателя въ царствованіе Фердинанда VI и Карла III.

3) „Otro tratado, Defensa de la Comedia“.

4) „Otro tratado, sobre el Diluvio General“. Два послѣдніе трактата были вторично написаны скупками, какъ и „Discurso“. По крайней мѣрѣ это вторично относительно о Позорѣ, какъ какъ Лара и Мондрагъ, вѣдь, говоря о немъ, называютъ его позоромъ.

Въ заключеніе. Кризиса.

Калдеронъ не только былъ преемникомъ Лопе де Веги, но и пользовался такою же популярностью въ народѣ. Девиною мѣрѣ оба эти драматурга распадались судьбами испанской драмы и въ это время промежутокъ времени, отчасти черезъ своихъ подражателей и учениковъ, главнѣе же образомъ благодаря своимъ личнымъ зрѣданіямъ, придали ей такое вліяніе и значеніе, какого она не имѣла ни прежде, ни послѣ. Но мы не должны извѣрять достоинства Калдерона мѣркой его современниковъ. Мы отъходимъ отъ него слишкомъ далеко, чтобы судить его съ присхожденіемъ, какъ некого скрываетъ его не.

доказки или преувеличивают его достоинство. Нам же
следует подвести итог всем его усилиям в пользу
улучшения театра, определить, что он сделал для
двух главных форм драмы — комедии и трагедии.

Несомненно, что Калдерону пришлось напаре свою
драматическую деятельность при самых благоприятных
обстоятельствах, а сохранение умственных способностей
до глубокой старости дало ему возможность сохранить
долгое время высокое положение, приобретенное им
в молодости. Теней его с самого начала приняла свой,
своем ему направление и сохранила его до конца.
Генринадари любил охотиться на песту, которую
спускал на сцене любил охотиться дозойкой буре вклин,
генного в список своих драм, дозавлечившей им
для адмирала Касулим. На зридцать месяцев году зим,
ни, по смерти Лопе де Веге, отъ охотился без соперки,
жовь. В следующем за этим году его призывают ко
двору Филиппа IV, одного из наиболее щедрых по,
кровирелей испанского театра, и с этого времени до
самой его смерти судьба драмы почти насолско же
находится в руках Калдерона, насколько она на,
ходила до этого в руках Лопе де Веге. Сорвать ияръ
его больших песту, а может быть и болоние, давали,
на великопознатель сценяхъ, усроенныхъ три раз,
личныхъ королевскихъ дворцахъ в Мадридъ и его

окреслялись. Некоторый из зрель несе били посрав.
 лены съ большими издержками и большой роскошью,
 какъ-то: „Los tres mayores prodigios“ (Три величайшихъ
 чуда). Представление каждаго изъ зрель акровъ этой несе
 происходило подъ открытымъ небомъ, на осодоу сценъ
 и исполнялось отдѣльнымъ группомъ. Хозя сцена и
 исполнители являлись, публика осрабалас на своихъ
 мѣстахъ. Зрѣлище должно было быть блестящее и опи,
 сание его въ приложенномъ къ несе воа весьма
 оригинально. Песа „El mayor encanto amor“ (Вис,
 шее волшебство - любовь) трама была на пловуель
 театръ, воздвигнутомъ раскошительнымъ графомъ, герцо
 гомъ Оливаресомъ на искусственномъ бассейне въ
 садахъ Виен Ретиро. Словомъ, по всему видно, что
 въ глазахъ двора и сродни Калдеронъ занималъ пер,
 вое мѣсто въ ряду моднѣйшихъ драматурговъ своего
 времени. И положение это онъ удерживалъ за собою
 въ зеченіе почти полстолѣтій.

Какъ драматургъ, Калдеронъ держался зрѣль же взия,
 довъ на своего задаку, какъ и его предшественникъ. Для
 него, какъ и для Лопе де Веги, основнымъ принци
 помъ зворгесхва было желаніе правиться публикѣ.
 Для этой цѣли онъ готовъ былъ нарушить законы
 вѣрности, перемѣшать вѣка и событія, пресе,
 бреть собѣзлами Аристотеля и предписаніями Поэтики

(*Art poetica*) Гораций. Воспользовавшись тем, что было сделано его предшественниками в области драматической композиции, Кальдерон добел до совершенства форму драмы, но оставил неприкосновенной ее сущность. Чуждая Лопе де Вега в драматической силе, энергии стиля и одрисовке характеров, Кальдерон превосходит его в сложности плана, обилии идей и тонкой разработкой деталей. По искусству завязывает интригу, держит в напряжении вплоть до кульминации зритель и поражает его эффектными сценами и неожиданной развязкой отнюдь не имевшей соперников. Хотя драмы Лопе де Веги и Кальдерона де ла Барка одинаково национальны, но несомненно, что Кальдерон больше принимал во внимание не вкус публики вообще, но вкус придворного кружка и высшего общества. Зритель, главным образом, обаялся не столько однообразной вычужденностью его дикции. В противоположность Шекспиру, который прежде всего старается заинтересовать зрителя характером своего героя, а потом уже его судьбой, Кальдерон, во всем, начиная с языка, повидимому, мало интересуется подобными психологическими анализами. У него найдется не много характеров, у Козорак, как у Шекспира, общее и типическое гармонически сли-

важнейшее с индивидуальностью. Все его характеры можно свести к нескольким типам: ревнивого мужа, отца, дальнего жениха, пылкого любовника, щекозливое к семейной гонимой брата, мужа, наперенника; все они действующие в извѣстныхъ положеніяхъ совершены, но одинаково и даже говоряще одинаково блестящими и поэтически языкомъ. Кальдеронъ посредственно суре, мужа перенесши зрителя въ другой, болѣе роскошный и поэтический міръ, гдѣ все озарено ослѣпительными блестящими поэзіи, гдѣ самыя сцены гораздо грандіознѣе, гдѣ въ дѣйствительности. Несмотря на преувеличенія и анахронизмы, основной чертой испанскаго характера ярко отражается въ пьесахъ Кальдерона, который жилъ и существовалъ въ полномъ созвучіи со своимъ народомъ. Эта сильная національная окраска предвзвѣщаетъ пьесамъ Кальдерона, какъ и пьесамъ его предшественника, занять такое же универсальное положеніе на европейской сценѣ, какое занимаютъ, напримеръ, драмы Шекспира."

Несмотря на то, что по своему мирозерцанію, по своимъ національнымъ задачамъ, по своему взгляду на задачи поэзіи и драмы, наконецъ, по самому выбору сюжетовъ, Кальдеронъ оставался вѣрнѣе преданіямъ своимъ предшественниковъ, отъ него, благо, даря своей болѣе художественной и гармоничной

1) Ср. Проф. Н. И. Стороженко. Очеркъ Исторіи Западно-Европ. иейкой Литературы. Москва. 1908. Стр. 215 и 216.

пазурь, Большей соразмерности плана в своих драмах, Более глубокой и тонкой характеристикой, изящной обрисовке положений, равно как и чрезвычайной кра- соты и каррикеской языка — достигая того, что по ира- ву слагается первично и величайшим поэтом Мена- тин, забывшим даже несравненно славу Лопеде Вели. Блестящее вольное положение и близкий, почти дружеский отношения к королю Филиппу IV, конечно, в изобразной сцене увеличивали значение его произведений; но последнее главное образом было основано на всеобщем признании ихъ высокоихъ достоинствъ. Испанская религиозность гаско достигала у Кальдерона самого чистого и самого высокого выра- жения; испанское понятие о геше сраживая у него предметомъ своего рода святого кумира, который рас- пространялся даже на креслы, тельца, тельца соучастниковъ в келье (Судья Саламанский); испан- ский реализм достиг у него той геше-святой ве- селости, которая в его диалогахъ и в записках называ- лась комедиями „Плаща и шпалы“ (Сара у Эзра) невольно увлекала и огаровывала собою театры. Но рядомъ съ этими достоинствами должно отметить проявления неестественного мизантропизма, мертвец- кого, почти возмочного квинизма, на ряду съ са- мыми удручающими включениями отъ общества,

внешней справедливости, внутренними узко-национальными характером, не сглаживаемыми ни высокими образованиями, ни художественностью автора.

Наиболее замечательными и совершенными произведениями из трагедий Калдерона справедливо всего да считался „Саломейский Судья“ (*Alcáide de Saloméa*). Къ нему приложкаюся ^{возлюбленная} „Любовь Томаса Ариаса“ (*La Niña de Gomez Arias*), „^{возлюбленная в одиночку} Три впазы в одной“ (*Tres justicias en una venganza*), кровавая, мрачная, жестоко-испанская „Врач своей гези“ (*Médico de su honra*), „Величайшее чудовище — ревность“ (*El mayor monstruo los celos*), „Отпадение Англии“ (*La defeccion de Inglaterra*) и „Непоколебимый принц“ (*El Principe constante*). Из романтических драмь больше замечательными считаюся „Мостъ в Манзидле“ (*La puente en Mantible*), „Жизнь — сонъ“ (*La vida es sueño*) и „Луис Пересъ изъ Салуси“ (*Luis Perez el Gallego*). Пять пьесъ, разски, замкнуты на блестящую пофрановску, а именно: „Сильнейшее изъ волшебствъ — любовь“ (*El mayor encanto amor*), „Три величайшихъ чуда“ (*Los tres mayores prodigios*), „Эхо и Нарциссъ“ (*Eco y Narciso*) и „Сокровища“; можно также отнести къ романтическимъ драмамъ съ сильными оперными эффектами. Настоящей областью Калдерона, въ которой онъ господствовалъ выше всякаго сравненія, была романтическая комедія, диало.

гиперских пьес со сюжетами, заимствованными из его
 времени и общества. Между ними наиболее замечательны:
 «Президе всего мой дама» (*Antes que todo es mi dama*),
 восхитительная пьеса «Берегись своей воды» (или «Тихая вода
 глубока» или «Въ филомъ омушь герри водьдъ» - *Guardate del agua mansa*),
 «Дама-Волшебница» (*La dama duende*), «Апрельский и май-
 ский мифа» (*Mananas de abril y mayo*), «Открытая тайна»
 или «Трогкая тайна» (*El secreto á voces*), «Мой май-
 астролог» или «Мнимый звездочетъ» (*El Astrologo fingido*) и
 много других, столь же полных жизни и прелестью.

Из религиозных или духовных драм Калдерона, столь живо
 воспроизводящих известное таинство религии или сцены
 вынужденного самооправдания второй, надо отличить
 особые пьесы (*Autos*), которая представляется в дни
 церковных праздников. Из первых пользуются наибольшей
 популярностью и известностью французская, но высоко-
 характерная «Поклонение Кресту» или «Молитва Кресту»
 (*La devocion de la Cruz*), «Принципъ Френский»
 (*El Principe de Fez*) и «Мать-Иудоворезъ», или «Волшеб-
 никъ-Иудодъ» (*El magico prodigioso*). Между *Autos*
sacramentales, разыгрывавшихся на сцене съ самыми
 пышными великолупиелью, и конечно казавшихся

испанскими зрителью менты овлеченными и сзранными, ть-ль ихъ пороисебчу, многия оуличаюся високо-воздушескими комензами. „Пиръ Балзасара“ (*Vena Banquete de Baltasar*), „Богисеубенный Орфей“ (*Él di-vino Orfeo*), „Модный Змий“ или „Мелюзный Змий“ (*La Serpiente de metal*) и другиѣ могуъ счистишь образцами этого оудья.¹⁾

Токоитъ Лудвигъ Гейбертъ, съглавиисек, подобно своему оудчу, извоисувилье дарскимъ поэтомъ и драма, зургомъ, схираея двудя главными характерисеубескими, ли черзами генія Калддерона националносезь и романузилье и подъ влидниселье оуилъ черзъ отъ кро, износисезь закой приговоръ о Калддеронъ: „*Drama Calderonicum est Drama Hispanicum gentile ad sum, tam perfectionem productum*“.²⁾ Наконецъ

Гёте, въ бесѣдѣ съ Экарманномъ о Калддеронъ, говоришь: „Произведенія Калддерона оуличаюся не, обикновенною правилносезью. Въ его ибесахъ нашь ни одной черзы, двийезвие козорой на публику не было разсизано напередъ. Про одимъ изъ гльхн писателей, козорой на рѣдѣ съ гениселье Билъ одаронъ величайшимъ умомъ“.³⁾

Изякъ ^{Калддеронъ} не удивисельно, что отъ, подобно многимъ другимъ испанскимъ драматургамъ, счущилъ, какъ

1) Ср. А. Штернъ „Всеобщая Исторія Литературы“, Спб. 1885.

2) Сл. его „De Poesiâ Dramaticâ genere Hispanicâ, præsertim de Petro Calderone de la Barca“, Hafniae, 1817.

3) Сл. „Gespräche mit Goethe“, Leipzig, 1837, Band I, p. 151.

мы видѣли, испанскими и французскими въдохнове-
 ния для иностранцев писателей-драматурговъ. На,
 больше замечивали у него Младшій Корнель, братъ
 великаго французскаго трагика, и Тоцци,¹⁾ извѣстной
 италіанскій поэтъ, который выдался озимивъ сфарин-
 нуо commedia dell'arte. Такъ напр. у Корнеля, Les
Engagemens du hazard явилеся подражаніемъ
 „Los Empeños de un Acaso“; „Le feint Astrologue“ —
 подражаніемъ „el Astrólogo fingido“; сверхъ того
 его „Circe“ и „L'Inconnu“ свидѣтельствуютъ объ его
 близко знакомствѣ и съ друзьями писателя Каль-
 дерона. Тоцци замечивалъ сюжетъ „Publico se-
creto“ изъ его „Secreto à Voces“; сюжетъ „Esco de Narcis
do“ изъ пьесы Кальдерона подъ званіемъ же заглавіемъ
 и сюжетъ пьесы „Due notti affannose“ изъ „Iustos y
Disjustos“ (Радоусъ и Торе). Подобно Корнелю и Тоц-
 ци почитали и другіе писатели.

Кальдеронъ обладалъ замѣчательно красивою наруж-
 ностью, которую долго сохранялъ, благодаря ясности
 духа и беселому характеру. По крайней мѣрѣ на гра-
 бированномъ портретѣ его, повѣсившемся вскорѣ послѣ
 его смерти, отъ изобразительнаго выразительнаго и поч-
 теннаго лица, которому въ воображеніи нашего
 мы легко можемъ придасть блестящіе глаза и пріят-
 ный голосъ, какіе приписываея Кальдерону его другъ

и пантегристы; и его открытое, изданию озеренное
 тело напоминающее палью хорошо знакомых черт
 великаго Шекспира. Пантегристиз упоминаеть о
 его прекрасномъ, широкомъ лбѣ, прекрасно вышедшемъ
 на его первыхъ литографированныхъ портретахъ 1682
 и 1684 гг., мало схожихъ съ копиями, сделанными съ
 нимъ въ позднѣйшее время, сличивъ съ:

Considerava de mi rostro grave я восхищался его погребенной ^{наружн.}
 Lo caraz de la fronte, la vivaka шириной его тела, живое ^{носомъ,}
 De los ojos alegres, lo suave его большихъ глазъ и прелесть
 De la voz, etc. его голоса и т. д.

Повидимому, озмиженными чертами его характера,
 были любезность и добродѣ. Въ старости онъ любилъ
 собиравъ вокругъ себя въ день своего рожденія сына,
 родилъ друзей и разсказывалъ имъ забавные случаи
 изъ своего дѣтства. Ильезея колическое описаніе
 его характера парусимости Калдерона, сдѣланное
 имъ самимъ. Описаніе это ильезея формы романа,
 и, хотя единственныи спискомъ исполнено прозе,
 кобы, оно зтемъ не менѣе весьма любопытно. Калд,
 деронъ посвящаетъ его меницинта и выдаетъ себя
 за пофотика знаменитъ предковъ, но не смот однако
 высокихъ, какъ зъ, какихъ впоследствии ену при,
 писываетъ Августинъ Лара; — зуть онъ наикаеть
 на замѣчательную выуклость своего лба, обрнца,

тощую на себя вниманіе на сцаринныхъ лизогра,
рїяхъ и говорятъ, что отъ средняго роста, имѣетъ
блѣдный цвѣтъ лица, не нюхаетъ табаку и что же,
ляжіе получили награду на поэтическомъ празднествѣ
въ честь св. Исидора сдѣлало его поэтомъ. Описаніе
это — забавное jeu d'esprit. Ему въроизно подражалъ
нѣмецкій романикъ А. В. Шлегель, написавшій
самъ о себѣ сонетъ.

Въ зреліе всего дѣятельнаго періода своей жизни
Калддеронъ пользовался уваженіемъ многихъ зна-
менитыхъ особъ того времени, козорныхъ отъ, какъ
напримѣръ герцога Оливареса и герцога Верагу,
аса, приулаивалъ къ себѣ повидимому суонско же
привлекательными свойствами своего характера, сколько
ко своимъ гетіемъ и славою.

Перевода.

Калддеронъ, именно съ начала XIX столѣтїя, перебе,
женъ на различныя европейскіе языки: на французскій,
нзальянскій, англійскій, нѣмецкій, русскій и т. д. Но
насъ особенно интересуютъ переводы на русскіе языкъ.
къ. Упомяну въ 1838 г., въ Бенедиктѣ Брѣнскаго, была игра,
на драма „Послѣдняя дуэль въ Испаніи“ (El postres
duelo de Врайа). Въ 1843 г. К. Шимковскій издалъ
„Испанскій театр“ 2 т. Въ 1860 и 1861 гг. С. Косыревъ
предпринялъ переводъ избранныхъ драмъ Калддерона,

но централь издавъ голско двѣ пьесы „Врачъ своей тещи“ (Médico de su Honra) и „Поклоение Кресту“ (Devoción de la Cruz). Въ 1872 году, въ мартовской книжке „Вѣстника Европы“, В. П. Буренинъ перевелъ отрывокъ изъ трагедии „Дочь Воздуха“ (Hija del Ayre). Въ 1884 году въ „Библиолектъ европейскійхъ пьесъ“ ^{Классиковъ}, издаваемой В. В. Гунко (С. Пб.), Калдерону посвящено изъволье Гомича, въ которомъ помѣщено слѣдующая пьеса: „Поклоение Кресту“ (Devoción de la Cruz), „Часть отъ часу не легче“ (Por esta que estaba) и „Алькадь въ Саламанкѣ“ (Alcalde en Salamanca). Последняя пьеса давно уже дается на сценѣ, какъ и въ другіе переводы. Кроме того эту же последнюю пьесу „Саламанкскій Алькадь“ перевелъ и С. А. Ворсевъ; онъ же перевелъ и „Самъ у себя подъ стражей“ (El Alcalde de sí mismo) — играема на сценѣ), „За тайное оскорбленіе тайное мщеніе“ (A se, secreto agravio, secreto venganza, „Бесѣды въ Обществѣ Любимъ Росс. Словесности“, кн. III). — „Дама-волшебница“ (La Dama Duende, „Архивъ“ 1891 г.). „Жизнь сонъ“ (La Vida es Sueño) — переводъ К. Пезрова. С. Пб. 1897 г. — Сочиненія Калдерона. Пер. К. Балмонтъ. Волыскъ I, „Исповѣданіе св. Патрика“ (El Purgatorio de San Patricio). М. 1899 г. Волыскъ II, Философскія и героическія драмы. М. 1902 г.

Калдеронъ принадлежитъ къ числу злыхъ поэтовъ,

которые требуют полного воспроизведения их край-
ностей и суровостей, какъ въ мысляхъ, такъ и въ
образъ ихъ выражений, ибо только зримъ нуделью кожи,
но дакъ чужаеяль върное помядье о сущности
ихъ поэтического гения.

Пособія для изученія испанской литературы
въ эпоху Возрожденія, а именно Кальдерона

Для общаго обзоренія: Киршичниковъ. Испанія и
Португалія въ эпоху Возрожденія („Всеобщая исторія
литературы“ подъ редакціей Корша и Киршичникова,
т. III). — Исторія Всемирной литературы Владимира
Зотова, т. II. — Триккортъ. Исторія испанской литера-
туры. Пер. подъ редакціей Н. М. Стороженка. Ттомъ
II. Москва, 1886. — А. Шерръ. Всеобщая исторія литера-
туры. С.-Пб. 1885. — Шенелевичъ. Драматическое зворже,
ство Кальдерона („Историко-литературные этюды“,
I. С.-Пб. 1904. — Проф. Н. М. Стороженко. Очеркъ исторіи
западно-европейской литературы. Москва. 1908.

Ученики и послѣдователи Кальдерона.

Близкарепствѣннѣйшій періодъ испанской драмы отъ
носуея къ царствованію Филиппа IV (1621—1662), которое
продолчалосъ съ 1621 по 1662 годъ и захватило послѣд-
ній четвертьцать лѣтъ жизни Лопе де Веги и урядъ,
цать наиболѣе счастливыхъ лѣтъ жизни Кальдеро-
на. По происшествіи этого періода перемѣна въ драмѣ

1) Капитальное сочиненіе Влака: Geschichte des dramat. Lit. in
Spanien, Berlin, 1846. — Варъ Зотъ ^{С. 11} „20. Nachträge“

сравнительно очевидною. Школа Лопе де Веги была для нея эпохою свѣтлости и зрѣлости молодости, а школа Кальдерона зрѣлости и посредственнаго упадка. Впрочемъ эта переломка еще не обозначилась рѣзко при жизни Кальдерона. Напротивъ, пока онъ былъ живъ, и въ особенности въ зрѣнїе царствования Филиппа IV, великаго его покровителя, упадокъ испанской драматической поэзіи былъ едва ощутимъ, зрѣнїемъ, котораго уже замѣтны были дурные симптомы, не смотря на то, что Кальдеронъ имѣлъ такую же, какъ Лопе де Вега, зѣлу учениковъ-последователей и произведеній его на сценѣ по преимуществу встрѣчали восхоружительный приемъ. Но съ Кальдерономъ пришла къ концу блестящая пора испанской поэзіи. Мбо школа, козордую отъ собравъ во кругъ себя и въ козордую было нѣскольکو выдающихся талантовъ, не пережила своего учителя.

Изъ учениковъ-исацевъ школы Кальдерона, помъзобавшихся наравнѣ съ нимъ любовію публики, ближе всего подходилъ къ свѣтлу великому образу Агустинъ Мореро. Къ сожалѣнїю и къ ущербу испанской драмы, мы знаемъ о немъ весьма мало. Онъ родился въ 1618 г. въ Мадридѣ и былъ крещенъ 9-го апрѣля. Образование свое отъ получилъ главнымъ образомъ въ Алкаль, между 1634 и 1639

2017

годами. Позднее он переехал в Толедо, где, поступив в монахи, поступил на службу к кардиналу-архиепископу, был ректором госпиталей дал refugio, а в 1659 г. удалился в монастырь. В связи с мучением 1669 года, отъездом, будучи всего пятидесяти одного года, завещав все, что имел, бедным и, чтобы его похоронили на мученицком кладбище, где погребали казенных преступников.

В пьесе Мигеля Морега вертепного века из, вневидимой формы драматургических произведений современной эпохи, и подобно тому, как в драматургии Калдерона, все эти формы незаметно переходят одна в другую. Морега преимущественно занимался психологической разработкой характеров, и в этом отношении далеко опередил за собой своих предшественников. Первою его пьесою в этом роде была "La tia y la sobrina" (Тетка и племянница), написанная около 1654 года. Главными действующими лицами здесь являются вдова, мечтающая во что бы то ни стало выдать замуж и до смерти завидующая прелестью своей племянницы, и офицер-хвастунок и сластолюбец, надуваящийся вдовушку своими исписанными речами и под рукою завоевывающий сердце племянницы. Любопытно, что основной мотив этой пьесы,

древнейшей изъ класса Comedia de figura (назван-
ныхъ такъ по пришествию въ нихъ земной и карри,
кадурной личности, тратящей довольно важно ролю),
заимствованъ у Лопе де Веги, въ произведеніяхъ ко-
торыхъ безъисчисленія образы болѣе или менѣе полныя
почти всѣхъ формъ драматическихъ произведеній, про-
мо изверднѣвшихъ въ испанскій языкъ.
„Племянникъ и племянница“ (La tia y la sobrina) заим-
ствована изъ пьесы Лопе де Веги „De quando acá nos
Vino“, а „Это невозможно“ (No puede ser) — изъ „Эта,
что impossible“.

Вторая попытка Морехо въ этомъ родѣ пользуется
еще болѣе извѣстностью. Заглавіе ея „El lindo Don
Diego“ (Милый или Прекрасный Донъ Діего). Въ ней
грезвычайно живо изображены характеръ фаха-франца,
увѣреннаго въ томъ, что ни одна женщина не мо-
жетъ устоять противъ его взгляда. Въ первой сценѣ
онъ заявляетъ своимъ увѣреннымъ дуэлянтамъ и высказываетъ
важнѣе искреннее презрѣніе къ болѣе благороднымъ,
пу только, снисходительному и суровому суровому подод-
ной заботы о своей вышности. Сцена эта исполне-
на живительной правды. Пьеса оканчивается заслу-
женнымъ наказаніемъ фаха: ловкая горничная,
выдающая себя за богатую графиню, женитъ его
на себѣ. Заглавіе пьесы „El lindo Don Diego“ (Милый-

прекрасной *Dona Diego*) образовалось в поговорку. Слово „*lindo*“ много когда однокое и двухсмысленное, кое значение.

Многие из пьес Луиса Морено, как напр.: „*Tampra Adelante*“ (Вперед), получили название *comedias de gracioso*, на том основании, что все действующие лица берут на роли шуток. Отсюда ему вздумалось написать шуточный фарс из жизни и подвиги Сада, но этот фарс не заслуживает внимания. В общем в пьесах Морено преобладают формы старинных комедий, основанных на любовной интрижке, и хотя ему нередко приходится замечать, как стоишь у своих предшественников и пренну, шественного у Лопе де Веги, однако почти все его передельки превосходят своими доделками все, что послужившия имь образцами и воустьствують имь со сцены.

Доказательством этого может служить лучшая из его пьес „*de deden con el deden*“ (Наша коса на камень), основная мысль которой замечена имь только у Лопе де Веги из его „*Melagros del desprecioso*“, пьесы, давно уже сошедшей с репертуара, между тем как комедия Морено до сих пор еще низается одним из перлов испанской сцены. Интрига этой пьесы замечательно проста и хорошо

1) „Упрямство прозвать упрямство“ или „Презренье за презренье“ или

задумана. Диана, дочь и наследница герцога Бар, селонского, не признает любви и отказывается от замужества с тем, бы то ни было. Отец ее, недовольный подобными неблагоприятными решениями, раздражающими весь его план, приглашает к своему двору благороднейших и красивейших из соседних принцев, устраивает турниры и другие рыцарские состязания, чтобы дать молодой лодке возможность заслужить любовь его дочери. Но Диана обходится со всеми искаженными ее руки не только с одинаково холодностью, но и с дерзким высокомерием до тех пор, пока самолюбие ее не загрохочет победением графа Ургела, козорой приговаряется, что раздвигая ее презрение ко всему, что похоже на любовь, относится с парижскими равнодушием к ее прелесть, — равнодушием, под козорой скрывается глупое и суровое извращение. Это превосходная сцена, где граф, замечая, что Диана неравнодушна к нему, признается ей в любви, верно в своей любви; она же, пока еще властвующая собой, не отдает своих чувств и относится к нему со своим обычным презрением. Граф не теряет ловко, тем она, справляясь со своим гордым, низелным положением, забывая, что его признание входило в программу его действий по отношению,

нико къ ней. При этомъ открытiи Diana не въ силахъ
 болѣе сдерживать своего любови и ея смущение содѣй,
 събуждъ цекоренно развѣзки. Она со своей стороны
 сознается въ сраженной любви и выходитъ замужъ за
 графа. Нѣсколко подобный похвѣз мы встрѣчаемъ
 въ пьесе Мексера „Mucha ad about nothing“ (Много
 шуму изъ ничего). Тамъ Беатриче такой же характеръ,
 какъ здѣсь Diana. Она тоже сначала презираетъ любовь,
 но въ концѣ концовъ выходитъ замужъ за Бенедикта,
 какъ Diana за графа Ургела.

Главное достоинство пьесы Антонио Морозо состо-
 итъ въ поэтической обработкѣ сюжета. Характеръ дра-
 матическо превосходно задуманъ и выполненъ, какъ въ
 болшинствѣ испанскихъ пьесъ; отъ являясь патере,
 никовъ герой и своики зонкими продолжалки со-
 двѣривъ ходу пьесы. Узнавъ въ самомъ началѣ
 отъ своего господина о положенiи драмы и о харак-
 терѣ драмы его сердца, отъ въ слѣдующихъ сценахъ
 даетъ ему советъ, заключающій основную мысль драмы.
 Atento, Señor, he estado, Я выслушалъ васъ, сударь внимательно
 У el sucesso no me admira, и нѣсколко не удивляюсь устью.
 Porque esso, Señor, es cosa, Въ сущности, сударь, казусъ зрѣтъ
 Que succede cada dia. повзрѣется ежедневно.

Mira; siendo yo muchacho, слушайте: когда я еще былъ совѣль реденькимъ,
 Añia en mi casa osidimia, сенья мой занималась уборкою винограда,

У поє el suelo las uvas земля была убрана годами, но у меня
 Nunca me danan codicia. не было ни малѣйшаго желанія покусить.
 Passó este tiempo, y despues черезъ нѣкоторое время и виноградъ
 Colgaron en la cósina развесили въ кувшины
 Las uvas para el Invierno; на зиму,

У yo viéndolas arriba, и я, видя его высоко,
 Rabiana por comer dellas, умиравъ отъ желанія покусить его,
 Tanto que, trepando un dia и пользуясь односторонне за нимъ,
 Por alcanzarlas, caí, я упалъ

У me quebré las costillas. и переломилъ себѣ ребро.
 Este es el caso, el por el! Фрозь слугамъ зовъ. въ зорѣ подходитъ къ вамъ.

Въ 1664 году Монсеръ написалъ въ подразнаніе
 „Desden con el desden“ (Нашла коса камень)²⁾ своего „Prin-
 cesse d'Élide“, по приказанію Людовика XIV, блескъ,
 щилъ образъ пострашенную въ Версали въ присудъ,
 сръин королевы и ея мажери, козоряд отъ были некан,
 скинни принцессами. Какъ модбзносуд по означенію
 къ королевамъ, предскавленіе произвело большой эф,
 фрекуръ, но какъ неса, „Princesse d'Élide“ была неудач,
 ма и неудерсталас на сценѣ, въ прозвивоположеносуд
 своему оригиналу, козорый извощетовъ встоду, гдѣ слы,
 тидѣ испанскій языкъ. Сущесудверъ хоромій переводъ
 комедіи Агустина Морехо на нѣмекскій языкъ и неса
 „Desden con el desden“ (Нашла коса камень) касуд даесуд
 ма нѣмекскій театралъ.

1) Зочн. I.

2) Упрямство прозвѣтъ упрямства? — Презрѣніе за презрѣніе!

При Агустина Морено деазра пользовался более, нежели свободною, нежели пренебрежением, великодушием его и духом, нежели пессимизма его основаны боллею гасуто на извѣст, нежели фразахъ изъ жизни связныхъ или на извѣст, нежели историческихъ событій, какъ напр. песс. „Los mas dichosos hermanos“ (Счастливейшие братья), содержащая исторію семи связанныхъ фресскихъ юношей. Песс. начинается съ заключенія братьевъ въ пещеру и оканчивается пробужденіемъ ихъ отъ худодѣйственаго дучесова, ильняго сна. Хотя она и нынѣшнѣ оцѣняется отъ пре. красной легенды, въ формѣ видѣть, въ какомъ передается ее Гиббонъ, но зѣль не менше въ ней замѣтна болле серьезная, нежели это обыкновенно берется въ сра, ринной испанской драмѣ, попытка сократитъ вър., посто исторіи даже въ мелкихъ подробностяхъ сюжета.

Въ тогорая изъ песс. Агустина Морено принадле, жать къ героическому роду, какъ напр. „El Valiente justiciero de Castilla“ (Бравый Кастилскій судья или Доблестной исполнителе правосудія или Алкалскій великодушна или прозо „Сурогитъ судья“), трагедія, исполненная драматизма и художественной силы, героемъ козрой является Педро Мехокий; хотя въ ней, какъ и въ боллшинствѣ песс., выводящихъ ли, мось этого государя, не соблюдена историческая истина,

Тыль не менше въ ней превосходно очеркены Карак,
геръ Пезра Месзокаго. Это — шивая народная трагедія!

Первыми изъ подвигшимся въ наказу произведений
Агустина Морезо было „Loque merese un soldado“. Уме
въ Lagrimas Paiviricas Мотзалвама (1639г.) Морезо
фигурируетъ какъ извѣстный писатель, а два года спустя
послѣ его смерти написана пьеса „Santa Rosa del
Peru“, два первые акта козрой были, по слухамъ, его по-
свѣдѣнныя произведенія. Имъ написано рядъ пастер,
силь дIALOGOV — комедій, изъ козрыхъ лучше всего, „el
desden con el desden“ („Упрямство прозвъ упрямства“,
или „Презрѣнне за презрѣнне“, или „Нашла коса на
камень“). Это грациозна, острочина комедія, но ей
не много успунаеть „el lindo Don Diego“ (Милый-
прекрасный Донъ Диего) — зинь самолюбиваго фига,
и „La tia y la sobrina“ (Тетка и племянница).

Большинство драмъ Агустина Морезо принадле-
житъ къ старинному рыцарскому жанру; а въ зль
изъ нихъ, козрой удалюезя отъ него, Морезо, слѣдуя
требованиямъ современнаго вкуса, воспроизводитъ
многя изъ национальных характерныхъ особенностей
особенностей той эпохи. Тыль не менше въ од-
номъ отношеніи Агустину Морезо удалось, если
не вполне сообщитъ драмъ своихъ предшествен-
ковъ новое направление, то сдѣлать шагъ въ нему.

Упо почти всецѣло замечватная изъ „Fuancion de
Fleetas Lonce de Peru.

История испанской литературы XVII ст.

При роде его не все и довольно значительное число отдельных комедий, никогда не собранных в одно целое, были изданы в промежуток между 1654 и 1681 гг., в общем около пятидесяти. Сами же Морето в течение известного времени, повидимому, не пытались смотреть на них, как на порождение безумия или глупости. О подражателях Аугустина Морето впрочем, говорят только заморанья и Martinez de la Rosa. Но доводы, приводимые в оправдание поэта, не могут заслужить прослушать ему такого рода плагиат, как его пьеса „Valiente Justiciero“ (Суровый судья), почти все, что замечено в нем, ^{как мы видели,} из Infanzon de Illescas Лопе де Веги. Поэт и современник Аугустина Морето, Кансер и Velasco в одной из своих сатирических изобразительных Морето, судящихся со сверзкою старинных комедий и придумывающих, чтобы из них выкрасить, сзять, чтобы впоследствии изуродовать похищенное. Кансер не вполне однако прав в своих нападениях на Морето не по отношению к его литературной деятельности, а относительно его таланта (говорить Пикторь). Правда, Морето замечательнее своего предшественников, но обрадовать их лучше своих учеников. В его выдающиеся таланты нельзя сомневаться. Морето переведены и на другие языки. Намр. существующий Хороший не,

1) Сл. Obras, Paris, 1827, Tom. II.

реводъ его лучшей комедіи, *Desden con el desden* (Упрямъ, събо прозвъи упрямства) на нѣмецкій языкъ у Дюпона, „*Espanische Dramen*“ (Том. II, 1842); въ немъ сохранились раздѣлы оригинала, рифмы и *assonantes*.

Современникъ Луиса Корехо и подобно ему вѣдѣ, являющійся изъ группы старинныхъ драматурговъ Франсиско Рохасъ, прославился еще задолго до смерти Калдерона и побѣдительно перешелъ его. Франсиско Рохасъ родился въ Толедо въ 1607 г., а въ 1642. былъ возведенъ въ санъ рыцаря ордена Сантьяго. Любопытнае фактъ относительно покушенія на жизнь Рохаса въ 1638 г. приводить Шахъ въ *Nachträge* (р. 90). Врѣмя его смерти опредѣленно неизвѣстно; приближенное время ея 1660 годъ.

Рохасъ, наследующій послѣдователъ Калдерона, принадлежить несомнѣнно къ его школѣ, съ зото виро, чѣмъ оговоркою, что онъ началъ свою карьеру слиткомъ рано, чтобъ быть причисленнымъ къ разряду просвѣдъ подраздѣлей. Первая пьеса его была написана въ 1635 г. Если не по драматическому таланту, то по поэтическимъ достоинствамъ Рохаса можно сказать непосредственно подлѣ Луиса Корехо. Слѣдуетъ однако замѣтить, что онъ писалъ чрезвычайно небрежно и неровно. Пьесы его, озаглавленныя „*No hay ser padre siendo rei*“ (Король не можетъ

Буре озимь) и „Los aspides de Cleopatra“ (Змеи Клеопатры) превосходят своею меткостью почти все испанскія героическія драмы; съ другой же стороны „Lo que son mi jeres“ (Это какое меншиковъ) и „Entre bobos anda el juego“ (Между дураками идетъ игра“ или „Глухое здесь царствуетъ“) одны изъ наилучшихъ въ разрядѣ пьесъ, основанныхъ на любовной интригѣ. „Perriles y Si, disimula“ заимствована изъ романа Сервантеса, но, съвсего же заглавіе; „Casarse por venganza“ (Бракъ изъ мести) — ослитная народная пьеса испанскаго театра, котораго безцеремонно воспользовался Лесажь, не прощскавшій никогда удобнаго случая воспользоваться чужимъ, для своего разсказа „Le Mariage de Vengeance“ въ своемъ капитальномъ зрудѣ „Gil Blas“ (Liv. IV, c. 4).¹⁾ Вообще же Франсиско Рохаль имѣлъ болыя успѣха въ изображеніи сильныхъ трагическихъ сцасей.

Наилучшая пьеса его, до сихъ поръ удерживающаяся на сценѣ, это — „Garcia del Castañedo“ или „Del rey abajo ninguno“ (Гарсія дель Кастаньяро или „Никто, кромя короля“, „Никто кромя короля или благородный земледѣлецъ“).²⁾ Въ фадмѣ этой драмы: Домъ Гарсія, герой пьесы, сынъ Гарсія Гермидо, замѣшаннаго въ заговоръ противъ оца царствующаго короля, скрывается въ поддѣбіе этого подѣ именемъ богазана кресуданита и живетъ въ Кастаньяро близъ Толедо, не навлекая на себя

1) Gil Blas de Santillana.

2) Въ переводѣ Шликовскаго „Гарсія дель Кастаньяро“ носидъ такое названіе „Никто кромя короля или благородный земледѣлецъ“.

1800 2058

подозрѣній правительсва. Король, зная о томъ у
мавровъ Алгежира и не имѣя на то досуга до
денежныхъ средствъ, обращается къ своимъ подданнымъ
за добровольными приношеніями. Приношенія Гар-
сіи такъ громадны, что обращаютъ на себя вниманіе
короля. Король зная и видя этого богача и
вѣрнаго подданнаго. Оубавъ, что это крестъ и кинжаль,
еще болѣе подстрекаетъ его любопытсва и онъ рѣша-
ется посылить его въ Касамбуръ инкогнито, въ со-
провожденіи только двоихъ или трехъ изъ своихъ лю-
бимцевъ. Между тѣмъ Гарсіа предпринимаетъ займо-
одъ ожидающей его гаси, но вѣдѣніе негодности
въ описаніи личности короля, онъ принимаетъ за
него одно изъ лицъ его свиты. Придворный, котораго
Гарсіа ошибочно принимаетъ за короля, влюбляется
въ Гланку, жену Гарсіи, и пытается нѣсколько проник-
нуть въ ея спальню, полагая, что живетъ въ от-
сутствіи. Гарсіа обнаруживаетъ его. Изъ муза возни-
каетъ борьба между вѣрноподданническими чувствомъ
долга и щеколюбивымъ чувствомъ гаси испанца. Мысль
о мщеніи геловнику, котораго Гарсіа принимаетъ за ко-
роля, не можетъ придти ему въ голову, и онъ не имѣетъ
ни малѣйшаго подозрѣнія относительно своей жены,
въ искренности и глубинѣ привязанности которой
онъ убѣжденъ. Но намекъ самый ничтожный на

любовницю связь зредуець кроваваго возмездія и у Тарсін
 мгновенно созрѣваетъ рѣшеніе убить своего любовни-
 цу. Однако, благодаря его колебаніямъ и проволоч-
 камъ, ей удаець бѣжать и явиться ко двору въ ^{самое} зѣбреніе,
 когда Тарсін призванъ руда, чтобы удостоулся отъ
 короля наибольшей геси, козоя, когда-либо была,
 дала на долю подданнаго. Представъ предъ лицомъ ко-
 роля, отъ озкриваетъ генеръ своего ошидку. Вмудомъ,
 гасъ же все сзаконуетъ яемь и отъ хорошо зна-
 етъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. Отъ немедленно оу-
 правляетъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ собиравше
 придворные, однимъ ударомъ поразилъ своего врага
 на смерть, возвращаетъ съ окровавленными кинжа-
 ломъ въ рукѣ и передаетъ о случившемся, приводя
 въ свое единственное законное оправданіе фразу,
 давшую заглавіе псесю, Никто, кромѣ (моего) короля
 не можетъ безнаказанно застрѣть его гесъ.

На ошидку, что Тарсін принимаетъ за короля
 одно изъ лицъ его связи, на этой ошидкѣ постро-
 ена вся пизрра псесы. Мало веруется на испан-
 скомъ языкѣ болѣе поэтичныхъ псесъ, гдѣмъ дѣя, и
 еще меньшее колмгесуо мѣтъ проникнуто своимъ ги,
 срымъ національнымъ духомъ. Характеръ Тарсін,
 мужественнаго и рѣшительнаго, озерентъ съ болшими
 талантами и рѣзкими мѣриками. Личность его

сцена одунаково прекрасно обрисована, въ прозивно, возможность ему, она вся крохотка и дерзкая; даме шурь представляеть въ высшей степени удачный образчик народи, соотвѣствующей его положенію. Нѣкоторыя изъ описаній поэме превосходны. Такъ, напр., огароваясь на картина мирной селской жизни; не менѣе хороша сцена между Тарсией и придворными въ концѣ вѣд, рога двѣсвѣд, когда послѣдній ухрадкой проникаеть въ комнату сцены Тарсией. Здѣсь изображена въ высшей степени правдиво и заманливо борба между изекотми, бывше губернаторъ герси испанца и его вторноподдани, герскими губернаторами. Сдвинуть словомъ, если оставитъ въ сѣхоронѣ лучшій пѣсн Лопе де Веги и Калдерона, эта пѣсн Рохаеса, безспорно, одна изъ наиболѣе эффектныхъ между старинными испанскими драмами. Дѣйствіе происходитъ въ слѣдствіе времена Алфонса XI и многія герца этой эпохи воспроизведены съ историческою вѣрностью. „Del Rey abaxo Ninguno“ (Никого, кромѣ короля) не разъ появлялась въ пьесахъ съ имѣемъ Калдерона, который вѣроятно бѣ бы не прочь прославить ся авторомъ; но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что она принадлежить перу Рохаеса.

Рохаесъ бѣвилъ хорошо извѣстенъ во Франціи. Понъ Корнель написалъ пьесу въ подражаніе одной изъ его пѣсн, при чемъ мѣсцали почти перевелъ Рохаеса. Скар,

ронъ въ своей "Fodelet" посмуналъ точно такъ же оуности, зельно другою пьесой Рохаса, "Donde hay agravios no hay zelo" (Тутъ есть оскорбленіе, тамъ нѣтъ ревности), такъ, что вторая комедія, удержавшаяся на французской сценѣ, была подобно первой трагедіи и первой комедіи заимствована у испанцевъ. Пьеса Корнелля носить на званіе "Don Bertrand de Cidarval" и въ посвященіи ея самъ авторъ указываетъ на сдѣланныя въ ней заимствованія, "Fodelet" Скаррона — живо написанная комедія, представляющая собою точнѣйшую копию съ пьесы Рохаса. Скарронъ не въ одной этой пьесѣ, а поочередно заимствовалъ у испанскихъ драматурговъ.

Подобно многимъ другимъ изъ испанскихъ драматурговъ, Рохасъ написалъ нѣкоторыя изъ своихъ пьесъ въ содруженіи съ другими писателями. Грабю Франки въ своемъ похвалномъ словѣ Лопе де Вега замечаетъ на эту способъ творчества на томъ основаніи, что пьеса, написанная въ содруженіи, болѣе похожа на разговоръ, чѣмъ на комедію, и что неизбѣжно различныя гасы ея сурдаются оуслушавшемъ единству тона и не образуютъ гармоническаго цѣлаго. Но не такъ было общее мнѣніе того вѣка; между прочимъ, ему можно служить оправданіемъ цитируемаго Томаса и Флетчера въ Англіи и масса драматическихъ произведеній XIX вѣка во Франціи и въ другихъ странахъ, вышедшихъ изъ-подъ пера

твухъ писателей. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ Испаніи вѣдущею самой постройки національной драмы, драма играла важную роль и много изъ дѣйствующихъ лицъ имѣли настолько опредѣленные характеры, что подобное соизумительство могло практиковаться центральные, гдѣ на видной другой сценѣ. Дочетверно одно, что оно нигдѣ не было такимъ обычнымъ явленіемъ, какъ въ Испаніи.

Въ болшинствѣ случаевъ въ сочиненіи пьесы участвовало три лица, дѣлившія ее между собою, согласно ея существенному дѣленію на три акта. Въ обширномъ сборникѣ комедій, напечатанномъ въ послѣдней половинѣ XVII столѣтія въ сорока восьми томахъ найдется, какъ Птикоръ полагаешь, до тридцати подобныхъ пьесъ. Между ними есть, писанныя тещею авторами. Одна пьеса въ честь маркиза Кансете (Cañete), была плодомъ совокупнаго труда даже девяти поэтовъ. Одна издана отдѣльно и очень издана въ Мадридѣ въ 1622 г.

Autos Рохаса не лучше и не хуже Autos его со-временниковъ. Франческо де Рохасъ, энергическій галатъ, склонный къ французскому произволу, не пренебрегалъ и силею юморизмовъ, но въ лучшихъ своихъ вещахъ отличался увлекающей силой и свѣтлостью, хотя въ исто-испанскомъ духѣ. «García del

Castañero" или "Del rey abajo ninguno" ("Гарсиа дель Ка-
станьяро" или "Никто, кроме короля") и "Cesante por
venegate" ("Травя из медузы) даже сущая сфользия остра,
ноже саими народными пьесами испанскаго языка.
Два тома пьесъ Рохаса были изданы въ 1640 и 1648 гг.;
въ предисловіи ко второму отъ говоритъ объ изданіи
зрѣльскаго, никогда не появлявшагося, такъ что въ на-
стоящее время изъ его сочиненій имѣется всего 24
пьесы, содержащіяся въ двухъ по^{ен}любанныхъ томахъ,
и нѣскольکو пьесъ, отдѣльно изданныхъ въ разныя
ное время.

Въ позднѣйшіи послѣдователями Кальдерона, Ан-
тонио де Солисъ (1611-1686), Антонио де Самора (1670-1730),
Хозе де Наконсарель (1676-1750) насрушила долгая аго,
нія испанской драмы.